Глава 3. Женские мемуары: скандал как presentiment

DOI 10.15826/B978-5-7996-3277-9.11

Одной из первых о феномене затекста заговорила психолингвистика. С точки зрения российского ученого В. П. Белянина, затекст представляет собой фрагмент действительности, описанный в тексте, т. е. служит своеобразной «отсылкой» к реальным событиям или явлениям¹. Следовательно, в художественной литературе затекст является вымышленным и функционирует на уровне «фоновое знание», существующего вне данного текста и составляющего часть той или иной национальной или исторической культуры. На первый взгляд все это-документы, апеллирующие к реальным событиям, можно считать затекстом по определению или, по крайней мере, произведениями с повышенным уровнем затекстовой реальности, представляющей собой важнейший структурно- и жанрообразующий элемент. В них автор-нарратор и автор-скриптор напрямую соотносятся с биографическим автором, образ которого с учетом основных жанрообразующих черт мемуарного текста (память, ретроспекция) проецируется на образ автора-героя автодокументального текста.

Особенно это характерно для женского мемуарного творчества, в котором затекст выступает в неразрывной связи с субъективно-личностной установкой автора, позволяя выявить и проанализировать сложные связи, определяющие взаимоотношения автора с читательской аудиторией, к которой он обращается, т. е. с учетом коммуникативной стратегии текста. Говоря о скандале как presentiment, мы будем называть затекстом случаи, когда автор сознательно рассчитывает, что изображение событий в том ракурсе, который он предлагает, вызовет активное неприятие в читательской аудитории. Как следствие, это заставит аудиторию корректировать какие-то устоявшиеся стандарты восприятия действительности, изменить взгляд

¹ Белянин В. П. Психолингвистика : учебник. М., 2003.

на автора и окружающий его мир². Рассмотрим 6 вариантов за-программированного «скандала», который предлагают нам женские автодокументальные тексты XVIII–XX вв.

Первый случай: «Женщин обижать не рекомендуется». В этом случае женщина пишет текст, преследующий цель заставить читателей немедленно и кардинально изменить свое отношение к автору. Образцом такого текста являются воспоминания Надежды Дуровой о первом годе своей жизни в Петербурге «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения». В жанровом отношении это автобиографическая повесть, в основе ее лежит дневник, который Дурова вела, живя в столице в 1836–1838 гг. «Год жизни в Петербурге...» можно с полным основанием назвать самым «скандальным» произведением Дуровой, из-за чего О. Сенковский даже побоялся печатать его в своей «Библиотеке для чтения».

В основе произведения лежат события начала 1837 г., когда после издания «Записок кавалерист-девицы» Дурова превратилась в столичную знаменитость, которую стремились заполучить в свои гостиные все представители петербургского высшего общества. «В первое свидание точно всякий хорошо расположен ко мне и точно желает быть знаком, потому что я, как и все, вышедшее из обыкновенного порядка вещей, возбуждаю какое-то участие, желание узнать лучше, сблизиться, разгадать», – так объясняла Дурова это чудо, когда перед ней, вчера еще никому не известной бедной провинциалкой, распаивались двери всех светских петербургских салонов, а их хозяева встречали ее любезными улыбками, окружали заботой и вниманием³. Второй раз светские знакомые приглашали ее в гости, чтобы показать «кавалерист-девицу» своим друзьям и знакомым. Зато уже к третьему разу интерес к ней совершенно пропал, что и позволило мемуаристке говорить

² Именно поэтому в качестве мемуарных произведений с сильным затекстовым звучанием нами не будут рассматриваться такие, на первый взгляд «скандальные произведения», как «Записки кавалерист-девицы» Н. Дуровой, так как в них она, по сути дела, занимается не скандализированием общественного мнения, а, напротив, романтическим моделированием действительности. Из-за этого она не переносит в мемуарный текст «скандальные» моменты своей биографии: замужество, рождение сына Ивана.

³ Дурова Н. А. Год жизни в Петербург, или Невыгоды третьего посещения // Дурова Н. А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1983. С. 443.

о «тайне третьего посещения». Поэтому третий визит к новым петербургским «друзьям», как правило, становился для Дуровой последним. «После всякого третьего посещения я бываю очень похожа на того устаревшего льва, которого приходит бить осел», – с горечью замечает она⁴. Несомненно, «Год жизни в Петербурге...» задумывался писательницей как литературная месть, и эта «месть» удалась Дуровой в полной мере. Писательнице удалось «свести счеты» со своими приятелями из большого петербургского света. Сохранив свою независимость, природную самобытность и оригинальность, она в «Годе жизни...» публично высмеяла высшие круги петербургского общества, заставив их «обратиться снова ко мне с изъявлением ласки и доброжелательства»⁵.

В «Годе жизни в Петербурге...» Дурова менее всего стремится дать художественное воспроизведение столичных гостиных с их разговорами о политике, остротами, новостями, за отсутствие чего ее упрекали критики XIX в., например, Е. Некрасова⁶. Но это не делает произведение менее интересным. Нужно иметь в виду, что повесть представляет собой продолжение и естественное завершение «Записок...». Как когда-то молодая женщина дерзнула переступить все рамки дозволенного, заставив других принять себя в ее новом положении, открыла для себя мир, недоступный женщине первой половины XIX в., так и сейчас, уже на склоне жизни, ей приходится бороться за свое утверждение в новой сфере бытия.

По мере увеличения количества неудачных визитов для героини все более и более становится очевидной та внутренняя пружина, которая поддерживает столичные знакомства: новизна предмета, мода на него, соблюдение формальных приличий или же наличие общих интересов. Удивление и растерянность постепенно сменяются у нее любопытством и, наконец, презрением к такого рода отношениям. Постигнув «тайну третьего посещения», героиня выводит себя из сферы действия законов света, принимает роль стороннего наблюдателя над странными метаморфозами, которые происходят с ее новыми знакомыми: госпожой Р* С*,

⁴ Там же. С. 436.

⁵ Там же. С. 451.

⁶ Некрасова Е. Надежда Андреевна Дурова // Ист. вестн. 1890. Т. 41, № 9. С. 611.

госпожой Н. Н., господином Е...р...а, госпожой Гиз*, бароном К*, генеральшей Щ* и др. Постепенно срабатывает эффект отстранения, когда автор-повествователь не только сам имеет полную возможность смеяться и иронизировать над разыгрываемым каждый раз перед ним спектаклем с заранее известным концом, но и передоверяет эту функцию героине повести, с интересом наблюдающей, как самые различные персонажи играют перед ней одну и ту же смешную и нелепую роль. Совмещение двух планов, плана автора-повествователя и автора-действующего лица, позволяет усилить сатирический эффект каждой сцены.

Так, госпожа Р* С* просто «забыла» о ее присутствии, хитроумный господин Ер-ча притворился очень занятым и сделал вид, что уходит из дома: взял шляпу и проводил ее до угла, после чего сразу возвратился домой; старая генеральша Щ* занялась при героине повести решением хозяйственных вопросов со слугами. Дурова, подробно рассказав о хитростях, к которым прибегали ее великосветские петербургские «друзья», дабы «деликатно» выпроводить ее из своего дома, выводит их под инициалами. Но, как замечает писательница в «Автобиографии», «хотя я не назвал никого, но описал их так верно и в таком виде, что они всеми силами старались не узнать себя, и, чтобы успеть в этом, обратились снова ко мне с изъявлением ласки и доброжелательства»⁷. Литературная месть совершилась.

Второй вариант женского текста – образца скандала как *presentiment* представляет случай «жизни после жизни». В качестве текста такого рода может быть рассмотрен «Дневник» М. Башкирцевой, известной художницы последней трети XIX в., картины которой выставлены в Русском музее и Третьяковской галерее, в музеях Парижа, Ниццы и Амстердама. Башкирцева умерла в Париже в 1884 г. в возрасте всего 25 лет от чахотки, болезни, развивавшейся у нее с 16-летнего возраста. С 14 лет и фактически до самой своей смерти она вела дневник на французском языке, изначально мечтая о публикации своего текста как текста, доселе не виданного. Она писала: «Я думаю, что еще не существует такой фотографии, если можно так выразиться,

⁷ Дурова Н. А. Автобиография // Дурова Н. А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. С. 451.

целой жизни женщины, всех ее мыслей, всего, всего»⁸. После смерти Башкирцевой ее дневник в 2 томах был издан французским писателем А. Терье, выступившим и в качестве редактора текста, а уже в 1893 г. он был переведен на русский язык и издан в России. Текст «Дневника» способствовал формированию настоящего культа молодой честолюбивой художницы, всегда носившей белые платья и мечтающей о славе. Уже в возрасте 15 лет она признавалась в дневнике: «Слава, популярность, известность повсюду – вот мои грезы, мои мечты»⁹. Мысли о собственной глорификации не оставляют ее и впоследствии: «В двадцать два года я буду знаменитостью или умру»¹⁰. При этом, обладая многочисленными талантами, Башкирцева на протяжении своей недолгой жизни мечтала стать то знаменитой танцовщицей вроде Марии Петипа, то великой певицей, так как от природы обладала прекрасным меццо-сопрано, то оратором, то, наконец, выдающейся художницей своего времени. В любом случае в своем «Дневнике» Мария Башкирцева представляла перед читателями как тонкая артистическая натура, жизнь которой была всецело посвящена искусству.

Возникает вопрос, в чем «скандальность» дневника? В том, что после смерти автора он подвергся двойной редакции/цензуре: матери художницы, Марии Степановны Башкирцевой, и издателя А. Терье. Мать вырвала или частично замазала некоторые страницы дневника, которые касались личных тайн семьи Башкирцевых-Бабаниных и которые компрометировали бы ее дочь в глазах света. Основной тайной семьи был судебный процесс, который продолжался более десяти лет, из-за которого сама Мария Башкирцева, ее мать и тетка Надежда Романова вынуждены были жить за границей, фактически скрываясь от российского правосудия. Марию Степановну в России обвинили в том, что она, прибегнув к обману и шантажу, женила пожилого богатого холостяка Фаддея Романова на своей младшей некрасивой сестре Надежде. Ф. Романов умер через год после свадьбы, успев завещать все свое состояние молодой жене в обход всех остальных

⁸ Башкирцева М. Дневник. М., 2003. С. 54.

⁹ Там же. С. 12–13.

¹⁰ Там же. С. 346.

ных родственников. В результате по настоянию родственников было возбуждено уголовное дело, заставившее мадам Башкирцеву, разъехавшуюся к этому времени со своим мужем, ее дочь и сестру постоянно жить за границей. За границей из-за двусмысленного положения их фактически не принимали в приличном светском обществе, не приглашали на балы к местной аристократии, закрывали перед ними двери салонов. В результате семья должна была довольствоваться компанией авантюристов, игроков, артистов, обстоятельство, заставлявшее Марию Башкирцеву с ее болезненным честолюбием жестоко страдать. Именно это обстоятельство часто становилось причиной отчаяния автора дневника, которое неизменно прорывалось на его страницы: «Что ужасно во мне, так это то, что пережитые унижения не скользят по моему сердцу, но оставляют в нем свой мерзкий след!»¹¹ Подобные признания Марии присутствуют в каноническом варианте дневника, напечатанного А. Терье, но, вырванные из контекста уголовного дела, они могут показаться лишь экзальтированными восклицаниями нервной и самолюбивой девушки, что отмечали многие читатели дневника еще в XIX в. Например, Е. А. Дьяконова, одна из первых русских феминисток, автор «Дневника русской женщины», опубликованного в 1905 г., писала о Башкирцевой: «... чтение ее дневника оставляет... тяжелое впечатление: холодный, блестящий эгоизм на всех страницах <...> М. Б-ва, конечно, искренна в своем дневнике, она рисует себя такой, какой она есть <...> но чудовищен этот ужасный эгоизм, под блестящей, прекрасной внешностью»¹². Подобная точка зрения характерна и для исследователей. Например, А. Александров, автор книги «Подлинная жизнь мадемуазель Башкирцевой», пишет: «Зачем мне писать о Башкирцевой, если особенной любви к этой экзальтированной русской мадемуазель я не испытываю, а ее болезненное желание славы и только славы любым способом мне антипатично?»¹³ На самом деле в жизни М. Баш-

¹¹ Башкирцева М. Дневник. С. 56.

¹² Дьяконова Е. Дневник русской женщины // Проект «Собрание классики» (Lib.ru/Классика) : [сайт] : URL: http://az.lib.ru/d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml (дата обращения: 15. 06. 2020).

¹³ Александров А. Подлинная жизнь мадемуазель Башкирцевой. М., 2003. С. 7–8. Кстати, именно А. Александров доказал, что при издании «Дневника»

кирцевой все было гораздо серьезнее. Не болезненное желание славы, но оскорбленная гордость стала одной из основных причин, заставивших ее взять в руки кисть, чтобы при помощи своего таланта художника вернуть себе и своей семье достойное место в обществе.

Однако у «Дневника» Башкирцевой есть еще одна не менее скандальная тайна. Готовя дневник Башкирцевой к печати, А. Терье убрал из его текста все упоминания о достаточно свободной для девушки 80-х гг. XIX в. жизни, которую вела Башкирцева в Париже и Баден-Бадене. Она посещала ночные публичные маскарады, играла в рулетку вместе со своей тетей, флиртowała с мужчинами. Она не боится признаться, что ее привлекает особый тип мужчин-повес, авантюристов, блестящих прожигателей жизни. Среди ее поклонников сразу три знаковые фигуры европейской золотой молодежи того времени – Эмиль д'Одиффре, которого она именует в дневнике то Жирофля по имени героя комической оперы Ш. Лекока «Жирофле-Жирофля», то Умопомрачительный, граф Александр Лардерель и французский депутат Поль де Кассаньяк, красавец-гасконец, блестящий оратор и дуэлянт.

В печатном варианте дневника достаточно подробно описаны только ее взаимоотношения с племянником кардинала Д. Антонелли, графом Пьетро де Антонелли, представляющие собой один из самых романтических эпизодов повествования. Незданная часть дневника рисует ситуацию в другом свете, при этом поведение Марии нельзя назвать целомудренным по меркам своего времени. Она не только остается с Пьетро наедине, причем даже в ночные часы, но позволяет ему целовать себя, иногда находясь буквально в шаге от «падения». Она пишет: «...губы, затем нога... ничего не скажешь, все происходит очень скоро, однако я довожу дело лишь до той грани, на которой желаю остановиться»¹⁴. Первым исследователем, который попытался сравнить подлинный текст «Дневника» Башкирцевой, хранящийся в настоящее время в Национальной библиотеке Парижа, с текстом, напечатанным А. Терье, была французский литерату-

М. Башкирцевой были изменены годы ее жизни. На самом деле она родилась не в 1860-м, а в 1858 г.

¹⁴ Цит.по: Косные К. Мария Башкирцева: портрет без ретуши. М., 2008. С. 88.

ровед Колетт Коснье. В 1985 г. в Париже она опубликовала свою книгу «Мария Башкирцева: портрет без ретуши», переведенную на русский язык в 2008 г.

В ней она доказала, что текст, который мы сейчас называем «Дневником» Марии Башкирцевой, на самом деле является лишь отражением реального текста, занимающего в рукописном варианте 63 толстые тетради. В настоящем дневнике Башкирцевой можно найти много размышлений, очень смелых для женского сознания своей эпохи, опережающих свое время по крайней мере на несколько десятилетий и, безусловно, провоцирующих скандал в целомудренную Викторианскую эпоху. Подобно Э. Сиксу с ее «Хохотом Медузы»¹⁵, Башкирцева, по сути дела, поднимает в своем дневнике проблему «женского письма», стремится *return to your body* (вернуться в свое тело), нарушить «порядок», сконструированный мужчинами. По Сиксу, описывая «свое тело», женщина тем самым разрушает маскулинный порядок вещей, царящий в мире.

В неизданной части дневника Мария рассматривает в зеркале свое обнаженное тело, которое «с затылка и до того места, которое я не осмеливаюсь назвать, покрыто золотистым пушком»¹⁶, находя у себя сходство с Венерой Милосской. Она постоянно размышляет о различных возможностях, которыми обладают мужчины и женщины, не скрывая своей зависти по отношению к мужчинам: «...мужчина утоляет все свои желания, а потом женится, и это считается в порядке вещей. Но стоит женщине посметь не то что все, а лишь малую толику, ее тут же побивают камням»¹⁷. При этом сама она почти уверена в андрогинности собственной природы: «...у меня от женщины только оболочка, и она дьявольски женственна, остальное же дьявольски иное»¹⁸. Башкирцева признается в возрасте всего 15 лет: «Будь я мужчиной, я бы проводила жизнь в конюшне, на бегах, в тире, немного в салонах, под окнами красотики и у ее ног. Множество приключений, препятствий, разные невозможные вещи,

¹⁵ Сиксу Э. Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования : в 2 ч. : Хрестоматия. Харьков ; С.-Петербург, 2001. Ч. 2. С. 799–821.

¹⁶ Цит. по: Коснье К. Мария Башкирцева: портрет без ретуши. С. 61.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 135.

драки... Бог создал меня женщиной, чтобы помешать мне совершать безумства, которых я жажду»¹⁹. Она не стыдится признаться, что часто испытывает по отношению к знакомым мужчинам естественное влечение, ей хочется познать физическую сторону брака. В период, когда за ней ухаживает князь Казимир Сутцо и она всерьез думает, не стать ли ей княгиней, чтобы наконец обрести долгожданную свободу, на страницах дневника появляется запись: «...мне двадцать один год, и, несмотря на то, что женщины являются во множество раз меньшими животными, чем мужчины, все же они ими являются, и весьма любопытно знать, согласитесь, что такое быть любимой»²⁰. Но даже без неизданных отрывков «Дневника», искренностью которых Мария Башкирцева хотела скандализировать читателей, он, по мнению английского премьер-министра сэра Уильяма Гладстона, высказанному в 1890 г., остается «одной из самых замечательных книг нашего столетия»²¹.

Третий случай скандала как presentiment может быть обозначен так: «Полюби нас Черненькими, а беленькими нас всякий полюбит, или О желании быть “плохой” девочкой». В первой трети XIX в. не было более романтического образа в русской поэзии, чем образ А. О. Смирновой-Россет. «Россети страшно как мила», «черноокая Россети», «придворных витязей гроза», «черкесские» глаза которой можно сравнить в стихах только с «небесами», – такие отзывы об этой женщине можно найти в стихах А. С. Пушкина и В. А. Жуковского. Россет, в жилах которой текла, помимо русской, французская, немецкая и грузинская кровь, была признанным эталоном женской красоты эпохи романтизма, одновременно обладая, по словам П. А. Вяземского, «тонким и верным поэтическим чутьем»²².

До замужества она была фрейлиной императорского двора, и дети императора Николая I называли ее «черненькой», по цвету ее волос. Россет прожила довольно долгую жизнь, скончавшись в 1882 г. Последние два десятилетия она работала над свои-

¹⁹ Там же. С. 33.

²⁰ Там же. С. 178.

²¹ Цит. по: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб., 1891. Т. 3. С. 224.

²² Вяземский П. А. Старая записная книжка. М., 2003. С. 229.

ми воспоминаниями, в которых назвала себя «новейшей девицей Дуровой», желая тем самым подчеркнуть скандальность своего текста и не боясь показаться при этом циничной. С ее точки зрения, это была единственная возможность выжить в «мире скотов», враждебных мемуаристке. В первую очередь это касалось окружающих ее мужчин.

Так, объектом постоянной ненависти и презрения Александры Осиповны в «Воспоминаниях» становится ее муж, Н. Смирнов, талантливый дипломат, который не жалел денег на то, чтобы увековечить на картинах и в мраморе красоту своей жены. Смирнов в записках аккумулирует в себе все отрицательные черты, присущие мужчинам вообще, а мужьям в частности. Он – «вульгарный и материальный» человек, который не может дня прожить без рулетки, храпит во сне, целует («суслит», по словам Смирновой) «так противно, язык у него желтый, обложенный и пропахший этим ужасным запахом табака»²³. Отношения в семье, судя по запискам, отличались грубостью нравов, о чем Смирнова-Россет повествует достаточно натуралистично. Так, однажды в Баден-Бадене Александра Осиповна была разбужена «писком мыши», в то время как «ее противный хвост щекотал мне уши»²⁴. Вскочив со страха на комод, беременная мемуаристка долго не могла добудиться спокойно храпевшего «благоверного», пока не крикнула ему: «Скотина, да проснись же!»²⁵ Самые страшные натуралистические страницы записок Смирновой (правда, на французском языке) связаны с рассказом о ее крайне тяжелых родах. Во время первых она потеряла ребенка, во время вторых, когда родилась двойня, чуть не умерла от сильного кровотечения, в то время как муж возвратился домой лишь под утро после «большой игры», на что возмущенный врач сказал ему: «Я впервые вижу такое бесчеловечное обращение мужа с женой»²⁶. После этого замечания врача Смирнов, желая продемонстрировать свою заботу и нежность, садится обедать в комнате лежащей почти без сознания мемуаристки, от чего у нее начинается горячечный бред, вызванный звоном ножа и вилки. Она

²³ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 390.

²⁴ Там же. С. 381.

²⁵ Там же. С. 88

²⁶ Там же. С. 484.

спрашивает у него: «Николай, скажи мне, я родила кроликов или молочных поросят»²⁷. Эту сцену, написанную уже на русском языке, заключает следующий вывод мемуаристики: «По моему мнению, все мужья – свиньи, сделав детей своим женам, они полагают, что сделали все, – все за исключением императора Николая, идеального мужа и отца»²⁸. Причина подобных отношений в семье Смирновой-Россет заключается в отсутствии любви мемуаристики к своему мужу, который вызывает у нее прямо-таки физическое отвращение. Поэтому она радуется, что доктор «запретил ему эти гадости во время моей беременности и требует, чтобы после родов я имела отдых хотя бы на два года»²⁹. Она хочет иметь детей, но ее возмущает необходимость ради этого удовольствия «пройти через... Это так возмутительно, когда не любишь!»³⁰.

«Скандалные» записки Смирновой-Россет были опубликованы только в 20-х гг. XX в. Однако Смирнова, предельно деромантизируя действительность, не позволяет себе откровенной выдумки. Это отличает ее текст от воспоминаний Т. Окуневской, которые близки ее тексту по пафосу, но включают в себя вымышленные эпизоды.

Четвертый случай скандала как presentiment может быть назван «Все мужчины сво...», или «Татьянин день» Т. Окуневской. Татьяна Окуневская – замечательная советская актриса, сыгравшая в таких фильмах, как «Пышка» (1934), «Горячие денечки» (1935), «Александр Пархоменко» (1942), «Ночь над Белградом» (1942). С 1948 по 1954 г. она находилась в сталинских лагерях (Степлаг в Джезказгане; Каргопольлаг в Архангельской области) по печально знаменитой статье 58.10 – антисоветская агитация и пропаганда. До самого конца своей долгой жизни Окуневская снималась в кино. В 2001 г., в возрасте 86 лет, в сериале «Граница. Таежный роман» играла роль бабушки Альбины. Книга воспоминаний актрисы была опубликована в 1997 г.

Через все мемуары Окуневской проходит основная сквозная тема: Актриса и ее мужчины. На роль мужского alter ego

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 484.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 379

мемуаристки претендует ее отец, Кирилл Окуневский, – дворянин, бывший белогвардейский офицер, интеллигент до мозга костей, который всегда был для дочери примером для подражания и на которого она, по ее собственному признанию, смотрела «влажными» влюбленными глазами. Впоследствии единственными мужчинами, которые хоть как-то смогут приблизиться к образу ее отца, станут для Окуневской великолепные и галантные югославские офицеры и генералы. Их воплощением, кроме возлюбленного актрисы генерала Владо Поповича «с глазами Христа», посла Югославии в СССР, станет в ее воспоминаниях легендарный югославский маршал Иосиф Броз Тито. Тито присылает ей на концерты по 200 черных роз, с ним она обедает во дворце в Белграде, танцует вальс во время их встречи в Москве, в «Метрополе». Окуневская вспоминала: «Через весь зал прямо ко мне идет Тито. Зал замер, перед ним расступаются, он обнял меня, и мы поплыли в вальсе, я в своем, цвета крови, панбархатном платье, он в мундире с золотом, пожираемые тысячью глаз. Я не могла себе представить, что маршал может так блистательно танцевать, как танцевал Папа, как танцевали царские офицеры. Никто больше танцевать не вышел»³¹.

Все остальные мужчины в ее воспоминаниях, включая ее мужей, Дмитрия Васильевича Варламова, Николая Федоровича Садковича, министра кинематографии Белоруссии, писателя Бориса Горбатова, изображены или как жадные хищники, которые только и думают о том, как бы затащить в постель великую актрису, или как жалкие ничтожества, к которым она не испытывает ничего, кроме презрения. Отец Окуневской, единственный раз увидев Б. Горбатова перед своим арестом, сказал дочери: «Знаешь, у него есть что-то общее с Митей! Все это поколение идейно, но без интеллекта, без культуры, без духовности, без широты понимания, видения»³². Это мнение отца в полной мере разделяла и Окуневская. Она все время повторяет в записках, что не могла по-настоящему полюбить никого из своих мужчин именно потому, что им не хватало культуры в дореволюционном понимании этого слова. Именно поэтому она наотрез отказыва-

³¹ Окуневская Т. Татьяна день. М., 2001. С. 178.

³² Там же. С. 64–65.

лась рожать детей от Б. Горбатова, предпочитая делать аборт.

Между тем писатель Борис Горбатов два раза рисковал для Окуневской если не жизнью, то карьерой. В первый раз, когда женился на ней в 1938 г., практически сразу после расстрела ее отца. Второй раз, когда хлопотал за нее после ее ареста в 1948 г., помогал ее дочери от первого брака Инге и престарелой матери, пока актриса находилась в лагерях. Тем не менее в своих воспоминаниях Окуневская так и не простила ему его антимаскулинного облика и отсутствия общей культуры: «...близорукий, в очках, с грязными ногтями и руками, с запахом дешевых папирос и немытого тела, походка смешная, нелепая для мужчины, мелкими семенящими шажками, речь сбивчивая, скороговоркой»³³. Единственное, что искупает общее негативное впечатление, – это «...лицо симпатичное, доброе, честное, глаза без очков хорошие»³⁴.

Однако наиболее интересным моментом с точки зрения затекста являются эпизоды, в которых феминная «жертва» маскулинного общества предстает в записках еще и жертвой политических репрессий. Одними из самих драматических эпизодов записок являются сцена насилия над актрисой Л. Берии и ее арест по прямому приказу министра госбезопасности, без ордера, по короткой записке «Вы подлежите аресту. Абакумов», за то, что она якобы отказала ему в близости. Дочь актрисы, Инга, которая к моменту ареста матери была уже взрослой девушкой, в нескольких интервью называет свою мать «великим мистификатором», поскольку Окуневская часто делала чужой опыт своим опытом, чужую память своей памятью. По словам дочери актрисы, эпизод с изнасилованием Окуневская перенесла в мемуары из рассказа самой Инги, только жертвой его была ее подруга, которая в это время училась в 9-м классе. Не было и никакой записки Абакумова, был официальный ордер на арест, который Инга видела своими глазами. Более того, Инга утверждает, что вся «публичная» версия трогательной биографии в «Татьянинном дне» имеет мало общего с жизнью реального прототипа. Поэтому

³³ Там же. С. 60.

³⁴ Там же.

Татьяна Кирилловна Окуневская могла бы войти в историю как величайший мистификатор XX в., так как «для великой Окуневской имидж был всем»³⁵.

Все эти эпизоды были нужны Окуневской в качестве коммуникативной стратегии, направленной на установление контакта с читателем постперестроечной эпохи, читавшим книги А. Солженицына, А. Бека, Б. Рыбакова.

Пятым случаем женского мемуарного скандала является затекст в мистификациях non-fiction. Как известно, мистификации пишутся от того или иного исторического лица, чаще всего покойного, профессиональными литераторами. Среди наиболее известных текстов-мистификаций можно назвать мистификацию Л. Гроссмана, написавшего «Записки д' Аршиака» (1929), секунданта Ж. Дантеса. Данный текст до сих пор считается одной из лучших биографий А. С. Пушкина. Что касается политических мистификаций или псевдомемуаров, то три их функции концептуально были проанализированы историком и политологом В. Кравцовым в статье «Псевдомемуары как политическая проблема»³⁶.

В 1990 г. в издательстве «Советский писатель» вышла книга «Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой». Анна Вырубова была фрейлиной последней русской императрицы Александры Федоровны и доверенным лицом всей семьи последнего русского императора. При этом если воспоминания Вырубовой под названием «Страницы из моей жизни» действительно принадлежали ее перу, то дневник является литературной мистификацией, текстом, установкой которого может стать девиз: «Погубить империю!» Он появился впервые в 1927–1928 гг. на страницах журнала «Минувшие дни», и его печать была приурочена к 10-летию Великого Октября, когда началась кампания по идеологической дискредитации царизма. Авторами мистификации были писатель Алексей Толстой и историк П. Е. Щеголев, талантливый пушкинист. Самая известная его книга – «Дуэль и смерть Пушкина» (1916). В 1917 г.

³⁵ Дочь Татьяны Окуневской: «Мама никогда не была мастером перевоплощений» // *gazeta.lv* : [сайт]. URL: <https://archive.is/20130218230904/www.gazeta.lv/story/1852.html> (дата обращения: 15.06.2020).

³⁶ Кравцов В. Псевдомемуары как политическая проблема // Гефтер : интернет-журн. URL: <http://gefter.ru/archive/10206> (дата обращения: 15.06.2020).

П. Е. Щеголев был членом Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством, которая должна была расследовать преступления царизма, он имел доступ к архивам царской охранки, был свидетелем допроса фрейлины А. Вырубовой. Социальный заказ А. Толстой и П. Е. Щеголев выполнили блестяще, написав текст, в котором семья и ближайшее окружение последнего русского монарха изображались как клубок эгоистичных, истеричных змей, ненавидящих и презирующих не только русский народ, но и друг друга

Фрейлина вспоминает, что Мама (так Вырубова называет Александру Федоровну) якобы рассказывала ей, что когда она впервые приехала в Россию, то Мать императора (Мария Федоровна, в «Дневнике» – «Гневная») сразу «зашипела как змея и назвала меня Гессенской мухой»³⁷. Императрица также говорила, что с 14 лет, когда у нее начались регулы, ее одолевала сонливость, во время которой с ней случались конвульсии, после чего она начинала говорить или петь ужасающим образом. После лечения, когда она приехала в Россию, приступы стали повторяться всего 2–3 раза в год. Она так верит в чудеса и чудесное, что Папа (Николай II) признается, что из нее вышла бы прекрасная пророчица, и открывает такой интимный секрет их отношений: «Когда Мама ночью начинает говорить о чудесном, тело ее горит, подушка горит. И вот, – говорит он, – тогда нет никого лучше нее. Никого. Все красавицы перед ней – труха»³⁸.

Вырубова характеризует императрицу как человека довольно злого, точнее, жестокого и очень мстительного: «Ни одной обиды она не забыла и не простила, она это всегда говорит». Правда, когда она спокойна, «...бывает очень добра и мягка. Но только с теми, кому она верит; к сожалению, она не верит никому, даже Папе»³⁹.

Папа – Николай II изображен в дневнике как чрезвычайно слабохарактерный (постоянно мечется между лагерями матери

³⁷ Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой // Электрон. 6-ка RuLit : [сайт]. URL: <https://www.rulit.me/books/frejlina-eyo-velichestva-dnevnik-i-vozpominaniya-anny-vyrubovoj-read-416876-1.html> (дата обращения: 15.06.2020).

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

и жены), но в то же время чрезвычайно упрямый и жестокий человек. Это становится очевидным из «вещего» сна императрицы, который она видит накануне свадьбы. Во сне Николай в длинной белой рубашке, босой, но с короной на голове управляет царской каретой, запряженной игрушечными белыми лошадьми, которых император погоняет золотым прутом. Образ «золотого прута» появляется не случайно. Это название повести М. Хераскова, в которой писатель утверждает нравственно-этический идеал просвещенной личности, в том числе личности правителя. Применительно к образу Николая II аллегория «золотого прута» звучит как насмешка. Карета начинает давить народ, так что слышен хруст костей – явный намек на Ходынку: «Вижу кровь. Кровь брызжет на меня, в лицо, на руки, я вся в крови»⁴⁰. Императрица пугается, хочет остановить карету, и ей на помощь приходит некая дама с черным шарфом. Впоследствии этой дамой оказывается Вырубова.

П. Е. Щеголев, который был идейным вдохновителем «Дневника» А. Вырубовой, передал в нем характерные черты женской психологии (эмоциональность, восторженность, вера), но наполнил идеологически нужным содержанием. Мистификация почти удалась, так как именно в 1926 г. в СССР появилось сообщение о смерти Вырубовой в эмиграции, напечатанное в журнале «Прожектор». Но дальше произошло неожиданное. «Покойная» фрейлина, жившая в это время в Финляндии и не думавшая, разумеется, умирать⁴¹, выступила с опровержением. Произошел грандиозный скандал, и академик М. Н. Покровский, крупнейший историк того времени, добился закрытия журнала «Минувшие дни» по специальному решению ЦК ВКП(б). Для мистификаторов, разумеется, это стало полной неожиданностью.

Шестой случай скандала как *presentiment* в женской мемуаристике может быть обозначен словами Шекспира из трагедии «Ромео и Джульетта»: «Я правду расскажу о них такую, что хуже всякой лжи». На этот статус претендуют «Записки» Е. Р. Дашковой, написанные в ожидании международного скандала, учитывая тот статус и вес, который имела эта необыкновенная

⁴⁰ Фрейлина Ее Величества...

⁴¹ Анна Вырубова скончалась в Хельсинки в 1964 г. в возрасте 80 лет.

женщина, стоящая во главе двух академий, в эпоху правления Екатерины II. В начале XIX в. ни одни российские мемуары не ждали так нетерпеливо и одновременно с трепетом, как записки Е. Р. Дашковой. В своих воспоминаниях она называет себя «Екатериной маленькой», и это не случайно⁴². Дашкова, по ее собственным словам, помогла взойти на трон императрице Екатерине II 28 июня 1762 г., в день, который «был самым славным и достопамятным днем для моей родины»⁴³.

Современники подозревали, что она, возможно, сыграла роковую роль в судьбах императора-узника Иоанна Антоновича и императора Петра III. Не случайно император Павел I, едва придя к власти, отправил Дашкову в ссылку в имение сына в Новгородской губернии, без права въезда в столицы. Сама Дашкова всемерно поддерживала эту интригу. Когда записки были написаны, она завещала их своей молодой английской подруге Марте Вильмот, с условием не печатать до ее смерти. В это время Марта гостила в имении княгини вместе со своей сестрой Кэтрин. Записки под названием «Моя жизнь» писались на французском языке в 1804–1805 гг. М. Вильмот вспоминала, что Дашкова изначально создавала их с установкой на издание за границей, однако не сомневалась в абсолютной искренности их автора: «Она слишком свято уважала правду, чтобы преувеличивать факт или допустить намеренную ложь»⁴⁴. В конце 1806 г., когда записки были уже написаны, Кэтрин Гамильтон покинула Россию, увезя с собой в Англию копию, сделанную Мартой. В 1807 г., когда сама Марта возвращалась в Англию с оригиналом текста, в Кронштадте разыгралась настоящая шпионская история. Главными участниками этой истории были Марта Вильмот и статский советник Кайсаров. Кайсаров прямо сообщил английской путешественнице, что российское правительство заподозрило ее в вывозе в Англию важных секретных бумаг. Предполагая, что такое может случиться, Мар-

⁴² Дашкова Е. Р. Записки, 1743–1810. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 31.

⁴³ Там же. С. 15.

⁴⁴ Дополнение к запискам Дашковой, рассказ издательницы их и письма сестры ее мисс Уильмот // Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Лондон, 1859. С. 406.

та заранее запаковала бумаги, включающие в себя помимо оригинала записок, копию переписки Екатерины II и княгини, несколько писем от разных лиц из России в Англию, в особый пакет и заранее послала на корабль, чтобы спрятать их в сундуке какого-нибудь матроса. Остальные бумаги, которые вывозила с собой англичанка, включая ноты и упражнения во французском языке, исправленные княгиней Дашковой, остались в небольшом красном чемодане и были конфискованы полицией, а затем в течение нескольких дней подвергались самому пристальному изучению. При этом Кайсаров предполагал, что ноты – это тайная рукопись цифрами, а сочинение о мышке на французском языке показалось ему настолько подозрительным, что он пообещал, что эту бумагу «повергнет к стопам государя (Александра I. – Е. II.) на его усмотрение»⁴⁵. Кайсаров предупредил М. Вильмот, что «его обязывает присяга не допускать вывоза мемуаров, равно и других бумаг, относящихся до России»⁴⁶. В результате под угрозой личного обыска Марта вынуждена была сжечь оригинал «Записок» Е. Дашковой, чтобы не «допустить схватить их и потом перетолковать, Бог знает как»⁴⁷. Ее успокаивало только то обстоятельство, что копия уже находится в Англии. Только после уничтожения «Записок» Марте Вильмот разрешили выехать в Англию, поздравив ее с полным оправданием: «И ноты, и мыши – все было признано невиноватым»⁴⁸.

После смерти Дашковой в 1810 г. публикации записок долгое время противился брат Дашковой С. Р. Воронцов, который в 1784–1806 гг. был послом России в Великобритании. Воронцов опасался, что в них раскрываются дворцовые тайны, и это может повредить государственным интересам России. В результате на английском языке записки появились только в 1840 г., спустя 30 лет после смерти княгини. В 1859 г. тоже за границей, но на русской языке их опубликовал А. Герцен, которого в большей степени привлек эмансипированный образ Екатерины Дашковой. А. И. Герцен охарактеризовал ее следующим образом:

⁴⁵ Дополнение к запискам Дашковой... С. 425

⁴⁶ Там же. С. 426.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 427.

«...русская женская личность, разбуженная петровским разгромом», которая «заявляет свою способность и требует участия в деле государственном, в науке, в преобразовании России – и смело становится рядом с Екатериной»⁴⁹.

В России записки были напечатаны только в 1907 г., т. е. спустя век после их написания. Однако, как оказалось, никаких нераскрытых тайн самодержавия они не содержали. Ничего принципиально нового ни о заговоре В. Мировича, ни о смерти императора Петра III, ни о самозванке княжне Таракановой читатели не узнали. Мемуаристка совершенно сознательно использует прием умолчания всякий раз, когда речь заходит о «темных» страницах царствования Екатерины II. Это делалось в соответствии с установкой Дашковой: не терпеть «грязные пятна на светлой короне Екатерины II»⁵⁰. Дашкова однозначно ставила Екатерину II выше Петра I, так как именно она смогла поднять Россию на высоту великой державы, внушающей страх и уважение всей Европе»⁵¹.

Всячески возвышая образ Екатерины II, Дашкова не забывает и о себе, создавая в записках, по мнению Н. Л. Пушкиревой, свой «квазидемонстративный, официально-публичный портрет»⁵², который в большей степени характерен не для российской мемуарной традиции с ее «большей эмоциональной насыщенностью»⁵³, но для традиции западноевропейской. Это не удивительно, если учесть, что их автором была страстная англофилка, писались они на французском языке и предназначались для издания за границей для европейского читателя.

Дашкова уверяет читателей, что у нее было твердое решение «послужить моему отечеству и спасти великую княгиню»⁵⁴. Как следствие, ею «руководили строгие принципы и восторженный патриотизм, а не личные интересы и мечты о возвеличении моей

⁴⁹ Герцен А. Собрание сочинений : в 30 т. М., 1957. Т. 12. С. 114.

⁵⁰ Дашкова Е. Р. Письмо Княгини Дашковой к мистрис Гамильтон // Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. С. 359.

⁵¹ Дашкова Е. Р. Записки, 1743–1810. С. 208.

⁵² Пушкирева Н. Л. У истоков женской автобиографии в России // Филол. науки. 2000. № 3. С. 64.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Дашкова Е. Р. Записки, 1743–1810. С. 20.

семьи»⁵⁵. Наконец, она заставляет Екатерину II воскликнуть, представляя Дашкову князю А. Бестужеву: «Кто бы мог подумать, что я буду обязана царским венцом молодой дочери графа Романа Воронцова»⁵⁶. При этом Дашкова уверяет читателей, что не хочет ничего скрывать и расскажет «о незначительных недоразумениях, происходивших между государыней и мной»⁵⁷. Основной целью этого рассказа является доказательство, что мемуаристка «никогда не впадала в немилость, как то утверждали некоторые писатели; она (императрица. – Е. П.) потому только не осыпала меня материальными благами, что ей было известно мое бескорыстие»⁵⁸.

Итак, особая «секретность» записок была во многом мистификацией автора, который на протяжении всего текста подчеркивает свой ум, энергию, аристократизм, благородство, т. е. то, что может быть проинтерпретировано и как характерная черта женской мемуарной литературы как таковая, и как проявление тщеславия женского пола. Не случайно безусловной кульминацией «Записок» Дашковой, «звездным часом» мемуаристки можно считать исторический для России день 28 июня 1762 г., когда Дашкова в мундире Преображенского полка, делавшем ее похожей на 15-летнего мальчика, верхом, со шпагой в руке, под звон колоколов въезжает в Петербург вместе с императрицей. Во многом ради того, чтобы снова пережить этот день, пережить минуты триумфа, связанные с историей воцарения Екатерины II, она и бралась за перо. Задача, которая автору в принципе удалась.

Ю. В. Казарин, говоря об архетипической природе текста, выделял как данность предтекст или текст-замысел, текст реализованный, текст опубликованный, наконец, текст читателя⁵⁹. При этом, по мнению исследователя, появление текста-замысла детерминировано как влиянием текста-промысла, понимаемого как вдохновение, идеальный текст, так и архетекста, представляющего собой образ глобального, планетарного текста, нахо-

⁵⁵ Там же. С. 34.

⁵⁶ Дашкова Е. Р. Записки, 1743–1810. С. 54.

⁵⁷ Там же. С. 57.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Казарин Ю. В. Антропологистические основы литературной деятельности. Екатеринбург, 2016. С. 26–27.

дящегося перед мысленным взором автора. В случае с женской мемуарно-автобиографической литературой затекст в функции скандала как presentiment – это случай, когда предтекст, понимаемый как текст-промысел, ориентирован на исключительное влияние на текст читателя в ущерб архтексту. Во многом это обусловлено спецификой женской психологии, в силу которой женщина обычно бралась за перо в исключительном случае, когда ей действительно было *что* сказать этому миру или, точнее, *за что* оправдаться перед этим миром и своими читателями. В качестве оружия, используемого мемуаристками, выступал затекст, принимающий форму коммуникативного скандала как presentiment.